

• Гастроли Новгородского театра драмы

СКВОЗЬ ВЕКА

Бывает, что судьба одного человека настолько переплетается с событиями эпохи, становясь ареной самых неожиданных житейских поворотов, что кажется: бери ее в первоначальном виде, обрамляй спецэффектами аксессуарами, и перед тобой — готовая драма, какую не выдумает даже изощренный фантаст. Не такова ли судьба Якова Княжнина, прозванного «российским Расином»?

И не в том дело, что сын важного сановника, псковского вице-губернатора, которому прочили блестящую военную карьеру, воспитал неожиданной страстью к поэзии, став уже в семнадцать лет признанным стихотворцем. И не в том, разумеется, визитная карточка времени, что молодой лирич, совершивший необдуманный поступок на казенной службе, лишенный чинов и званий, был милостиво прощен императрицей, которая перед тем рукоплескала в театре его «Дидоне».

Куда примечательнее, что скромный переводчик из «канцелярии о строениях домов и садов» благодаря своему таланту и трудолюбию становится наряду с Сумароковым столпом русского просветительского классицизма, автором многих популярных опер, комедий и трагедий, оставивших неизгладимый след в отечественной драматургии. И уж наверняка типической страничкой биографии члена Российской академии Якова Борисовича Княжнина окажется низвержение его с высот Олимпа в клоаку царской инквизиции, едва в печати появился написанный им «Вадим Новгородский».

Сейчас, когда мы смотрим эту трагедию, проникнутую идеями тиранинборчества, нам остается лишь представлять себе, с каким животным испугом императорские сатрапы подбрасывали в огонь листы «Российского феодала», где она была напечатана... С каким подвострастным выполняли титулованные холуи волю Екатерины II, напуганной французской революцией и приказавшей «сечь «оную книгу» как «дерзкую и злонамеренную»...

И вот перед нами сам «Вадим Новгородский», воплощенный потомками тех, кто собирался когда-то по зову вечаго колокола. Давно уже со сценических подмостков не ведал такой седей старинной и, может быть, впервые на них прозвучали мольбы героев, обращенные к древнему Перуну. Спектакль, поставленный Новгородским театром, переносит зрителя к истокам феодальной Руси, о которой нам дано знать лишь по учебникам истории.

Конечно, в подобной постановке куда проще было пойти прямолинейным пу-

тем — отряхнуть пыль веков от полузабытых хартий и преподнести их зрителю, закрыв глаза на языковую архаизм текста. Но в лучшем случае это выглядело бы оригинальной музейной реликвией. Театр и его главный режиссер А. Кошелев, поставивший спектакль, думает, нашли более верную дорогу к зрителю, показав пьесу в современном литературном переложении, сопроводив ее к тому же интермедиями, посвященными самому автору.

Наибольший успех выпал на долю артиста Ю. Цурило — исполнителя заглавной роли. Ему удалось раскрыть характер своего героя, убежденного в том, что

...тот свободен,
кто, смерти не страшась,
тиранам не угоден.

Игра актера естественна и тогда, когда храбрый воин, возвращавшийся после трехлетней отлучки, с душевной болью наблюдает, как рушится уклад прежней новгородской волиницы. Она впечатляет и в сценах, где отцовские чувства Вадима борются с его патристическими устремлениями. Но поистине ослепительным взлетом страстей наполняются те монологи, которыми седовласый ратник бросает вызов цензурному варягу, восстав против его господства.

Возвлованно ведет роль Рамиды артистка К. Гавриленко, хотя порой и хотелось бы видеть в ее игре больше трагедийного накала. Ведь недаром дочери Вадима делить сердце между отцом и возлюбленным, хранить верность людям, скрестившим друг с другом булатные мечи!

Немало разнообразных красок в образах Рамидыны наперсницы Селены и посадника Вигора нашли артисты Л. Киришина и О. Михайлов. Жаль, что этого не удалось сделать некоторым другим исполнителям. Стоило бы, например, поискать более отчетливые средства сценической выразительности для сложной и во многом противоречивой роли посадника Пренеста, которую играет В. Гордичук. Патетический рисунок ее явно нуждается в расцветке.

Едва ли не самая сложная задача стояла перед тем, кому предстояло воссоздать на сцене образ новгородского князя Рюрика. Именно его, первого монарха, обличает Вадим в тиранах. А в то же время в уста князя вложено столько миролюбивых речей, обращенные им к народу слова так доверительны, а признания в любви Рамиде настолько искренни и целомудренны, что не сразу осваиваешься с кажущимся парадоксом. Но чем больше выискаешь в бурные события трагедии, тем скорее убеждаешься: нет, не ошибается ар-

тист И. Кузнецов, который не спешит наделять своего Рюрика какими-то зловещими чертами. Его характер постепенно развивается в действительности, приобретая все новые качества.

Да ведь и не только против конкретной личности ополчаются свободолюбивые новгородцы. Их протест шире, социальная основа его глубже: почему один человек вправе распоряжаться судьбами и даже жизнью сотен тысяч других людей? И разве меняет существо дела то, что один монарх — милостив, а другой — жесток? К этому сводятся мысли, пронизывающие пьесу.

Ту же простую и мудрую философию, определяющую природу эксплуататора, через сотни лет выразит А. М. Горький словами рабочего Левшина: «И строгий — хозяин, и добрый — хозяин. Полезны людям не разбираясь».

Не мудрено, что в симпатиях драматурга к Вадиму, который предпочел умереть, нежели покориться монарху, императрица Екатерина узрела покушение на устои самодержавия — «содетеля» всех бед. Кстати, — мы тоже видим в интермедии к спектаклю, повествующей о судьбе княжнинской трагедии.

Можно, конечно, спорить о том, насколько органично входят такие интермедии в ткань спектакля, насколько закономерно появление одних и тех же актеров то в кольчугах и шлемах, то в расшитых камзолах и наудренных париках. Нашлись бы аргументы и для дискуссии по поводу условностей художественного оформления спектакля. Но при всем этом нельзя не признать, что постановка «Вадима Новгородского», уже сам факт обращения к этому интересному драматургическому полотну XVIII века заслуживают всесочной поддержки. И нужно отдать должное постановщикам и исполнителям, не побоявшимся трудностей, которые всегда сопутствуют первопроездам.

Программа спектакля, где обычно перечисляются действующие лица и исполнители, на сей раз снабжена словами, адресованными сегодняшнему зрителю — свободному гражданину социалистической Родины. Напомним о том, что в свое время эта трагедия так и не увидела сцены, участники гастролей заявляют: «Впервые» обращался к ее постановке почти через 200 лет после ее написания, наш театр ставит перед собой не только просветительскую задачу, но и надеется, что высокий гражданский пафос трагедии будет понятен и нашему современнику».

Остается лишь разделить с театром такую уверенность.

Г. КНЯЗЕВ.